
18+
Анатолий Вершинский
Чалдонская тетрадь
Стихотворения и поэмы

Анатолий Вершинский

Чалдонская тетрадь. Стихотворения и поэмы

«Издательские решения»

Вершинский А.

Чалдонская тетрадь. Стихотворения и поэмы / А. Вершинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857433-7

Название новой книге русского поэта, уроженца Красноярья, дала одноимённая поэма. В её основу автор положил воспоминания отца, ветерана Великой Отечественной войны. В центре сборника — «эссе в стихах» о путешествии Александра Невского в Монголию. Знание истории, верность классической традиции позволяют автору корректно обращаться к вечным темам и горячим сюжетам. Широк жанрово-стилевой охват книги: от лирической миниатюры до эпического повествования. Близкие душе мотивы найдёт каждый читатель.

ISBN 978-5-44-857433-7

© Вершинский А.
© Издательские решения

Содержание

I. Мост 6
Дети и отцы 7
Паломники 8
Небесные сёстры 9
«Заведите позднего ребёнка…» 10
Звуки 11
Место 12
Свет 14
«Детские» вопросы 15
Серебряный звон 16
Подмосковная Терпсихора 17
Миры 18
Долгая дорога к земляку 19
В Овсянку 19
Хозяин 20
«Низкие» истины 20
Каллас 22
II. На языке любви и боли 23
Северо-восток 24
Этюд в четыре руки 25
Недосуг 26
Портретист 27
Вопросы 28
«Лица поющих прекрасны…» 29
«Обещал не всем Спаситель…» 30
Толкинисты 31
Ягодки 32
Пичуги 33
Город юности Уяр 34
«Когда небесный конвоир…» 35
III. Озарилась душа… 36
«В этом парке лет на двести…» 37
На торгу 38
Имплантация 39
Зимняя рыбалка 40
Послание 41
Чалдонская тетрадь 42
Метро 46
Вкус 47
Дар 48
La passion 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Чалдонская тетрадь Стихотворения и поэмы Анатолий Вершинский

Анатолий Вершинский *Дизайнер обложки*
Анатолий Вершинский *Иллюстратор*
© Анатолий Вершинский, 2018
© Анатолий Вершинский, дизайн обложки, 2018
© Анатолий Вершинский, иллюстрации, 2018
ISBN 978-5-4485-7433-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Мост

Дети и отцы

На фото, цветастом, как фант,
моя семилетняя дочка.
И белый капроновый бант
над нею как нимб ангелочка.

За нею лебяжье крыло
гардины, кроёной из дымки.
И платьице тоже бело
на тёплом любительском снимке…

Храните малюток своих
от стужи, огня и сиротства.
Душа невесома у них:
отпустишь – и в небо сорвётся.

Под бурями пуще пурги
нам легче в кренящемся мире:
недетские наши долги
нас держат, как тяжкие гири.

Август 2000

Паломники

Нас привёл, как поводырь,
дождь от площади вокзальной
в белостенный монастырь
Троицы Живоначальной.

Подле храма, красоты
редкостной, народ ютится.
Неказистые зонты.
Неулыбчивые лица.

Провожает плач дождя
нас до самого собора.
И стихает, перейдя
за дверями в пенье хора.

Дождь остался у крыльца,
а холодные потёки
я в тепле отёр с лица.
Отчего же мокры щёки?

Миновав свечной киоск,
замедляем ход неспешный…
На ладони каплет воск.
Больно! Значит, жив я, грешный.

Знать, и Русь жива, пока
к раке Сергия людская
молчаливая река
все течёт, не иссякая.

3—10 сентября 2000

Небесные сёстры

Светлая – в чашечку соку нальёт,
тёмная – чаю ли, кофе ли…
Делает близкими долгий полёт
их незнакомые профили.

В блеске полуночных аэроламп,
тускло горящих над креслами,
тёмная видится женщиной-вамп…
с крепкими русскими чреслами.

Светлая – тонкая, станом – под стать
свечке в заутренней темени.
Явно ещё не успела познать
щедрого бабьего бремени.

…Спутница ночи с наперсницей дня,
столь непохоже прелестные, —
эти четыре часа – для меня
вы будто сёстры небесные.

Вижу: по вызовам чьим-то опять
мчитесь проходами узкими,
вежливо пряча – чтоб нас не стеснять —
крылья под белыми блузками.

Москва – Красноярск
Июль 2001

«Заведите позднего ребёнка…»

Заведите позднего ребёнка.
Пусть доводят старшие до слёз.
Пусть утрами частая гребёнка
что-то врёт насчёт седых волос.

Сотворите маленькое чудо.
Вы же это делали вчера.
Годы – блеф. Мы молоды, покуда
подрастает в доме детвора.

Так задайте мужу работёнку…
Он сперва посердится, чудак.
А потом к родному ребятёнку
всей душой прилепится. Вот так…

16—17 октября 2001

Звуки

По цинку подоконника постукивают капли
ночного запоздалого осеннего дождя.
И лиственные шорохи ли, дождика накрап ли
опять мешают спать мне, что-то важное твердя.

И рад бы побеседовать я с ночью разговорчивой,
ведь то, чего не высказал, нейдёт из головы,
но очень трудно следовать за речью неразборчивой
густеющего дождика, редеющей листвы.

Так что же означают эти странные созвучия?
Природа откликается сознанию в ответ?
Иль в шуме, сходном с говором всего лишь волей случая,
ни смысла, ни значения, ни даже знака нет?

Себя венцом творения зовём, но тем не менее
над пропастью безумия удерживает нас
не опыт человечества, а наше неумение
припомнить миг рождения, представить смертный час.

Октябрь – ноябрь 2001

Место

Без больничной канители,
без врачей и нянек,
дома, в собственной постели,
умер старый Янек.

Он ушёл, не просыпаясь,
утром, на рассвете,
безмятежно улыбаясь,
как малы́е дети.

Место выбрали под вишней…
Чередою длинной,
по традиции давнишней,
шли за домовиной.

За роднёй плелись к могиле
жалостно старухи.
– Жил покойный, – говорили, —
не обидел мухи.

Было это в полдень, в самый
зной, в июле месяце…
Вдруг раздался крик из ямы:
– То ест мо́е мейсце!

Глянула вдова в могилку —
развела руками:
Маню, местную бобылку,
увидала в яме.

– Совести, Марыся, нету?
Или неба мало?
Кто же знал, что вишню эту
ты облюбовала?!
Не пугайся, гнать не стану,
да и не под силу…
– Люди, выройте Ивану
новую могилу!

…Маня, по мирским понятьям,
человек хороший.
На часовенку с распятьем
собирает гро́ши.

И у Господа покою

просит ежечасно.
И грозит вдове клюкою,
а за что – неясно…

Снова под июльской высью
вызревают вишни.
Но призвать к себе Марысю
не спешит Всевышний.

Август – декабрь 2001

Свет

На пути от пелёнок до тех полотенец,
на которых в могилу опустится гроб,
мы не ведаем, что ощущает младенец —
страх явленья на свет или просто озноб?

Мы не знаем, о чём помышляет умерший —
не покойная плоть, а живая душа,
что уходит из тела, как рыба из верши,
на свободу (иль в новую клетку?) спеша.

Вызывающим души усопших не верьте:
только нежить откликнется ведьме в ответ.
А воскресшие после клинической смерти
лишь припомнят колодец, ведущий на свет.

Но из тысяч достигнувших края колодца
хоть один человек возвратился назад?
Пусть расскажет – куда же идти нам придётся,
и хорош ли тот край, и похож ли на сад.

Оттого мы испуганно медлим у гроба,
что за ним обрывается видимый след…
А ведь что этот мир, как не та же утроба,
из которой выходят на истинный свет?!

Декабрь 2001

«Детские» вопросы

Из гортани бессловесной
кто однажды смог извлечь
вещь природы бестелесной —
человеческую речь?

Кто вдохнул в меня сознанье
и моим назвал его,
отделив незримой гранью
от сознанья твоего?

Кто сближает чувства наши —
восхищение и боль,
как вино и воду в чаше,
как в ладони хлеб и соль?

Для кого совсем не тайна
наши страхи и мечты,
ведь и в мыслях не случайно
совпадаем я и ты?

Кто вселяет в нас надежду,
что возник не сам собой
разум, мечущийся между
своевольем и судьбой?

Апрель 2002

Серебряный звон

Радуйся в поле огню.
Радуйся блику во мгле.
Радуйся каждому дню,
прожитому не во зле.

Пусть покорённых высот
больше у братьев твоих, —
если тебе не везёт,
радуйся радости их.

Радуйся ноше своей,
сколь ни была б нелегка,
радуйся просьбам детей,
радуйся боли, пока

где-нибудь в звёздном Ковше
ангел не скажет: «Пора»,
радуясь доброй душе,
чистой, как звон серебра…

9—11 мая 2002

Подмосковная Терпсихора

И каждый вечер, в час назначенный…
Александр Блок «Незнакомка»

Когда над пригородной станцией
закат затеплит облака,
она танцует с детской грацией
у музыкального ларька.

Пускай хрипит его акустика,
пугая крыс и мелких птах, —
где нет ни деревца, ни кустика,
ларёк и есть «рояль в кустах».

И ей, как птице, тоже боязно
одной кружиться на виду
у пассажиров, ждущих поезда,
что с расписаньем не в ладу.

Но завтра снова, в час обещанный,
у жестяных ларёчных стен
продлится танец хрупкой женщины
в немодной куртке до колен.

И пусть кривясь или хихикая
глядят зеваки на неё,
но эта станция безликая
с ней обрела лицо своё.

Май 2002

Миры

Очевидно, временами
снятся нам чужие сны.
Персонажи схожи с нами,
но слова изменены.

Всё иное – радость, горе…
Так случается, когда
в телефонном разговоре
перемкнутся провода,

и покажется знакомым
голос в трубке, и о том,
что звонок ошибся домом,
мы не сразу узнаём…

Чьи надежды и тревоги
мне приснились как мои?
Сбился чей-то сон с дороги —
выбит я из колеи!

В сновиденьях, вероятно,
нам являет мир иной
нечто вроде варианта
нашей участи земной.

Наши грёзы и кошмары
то наивны, то мудры…
Провода Вселенной стары.
Замыкаются миры.

Апрель 2002

Долгая дорога к земляку

В Овсянку

1

Под утёсом, покатым, как глобус,
три столетья ютится село.
Мимоезжий маршрутный автобус
тормозит у села тяжело.

И гостями, которых не ждали,
мы идём мимо церкви туда,
где, устав от бетона и стали,
моет гальку речная вода.

Енисей, окаймлённый горами,
после ГЭС не по-летнему стыл.
Здесь Астафьев гулял вечерами.
Покорителей рек материл.

До воспетых им диких урочищ
замостили асфальтом проезд…
Ох и врезал бы Виктор Петрович
устроителям «памятных мест»!

2

Кто свободнее в выборе русел:
наши реки иль мы? Почему
я при жизни Астафьева струсил —
не решился приехать к нему?

Образумленный веком зловещим,
отрезвевший от многих потерь,
понимаю, что ехать и не с чем
было мне до поры… А теперь?

За смирение паче гордыни,
за лицо без личин и гримас
отлучён я печатью доныне
от широких читательских масс.

Неприметный для лести и мести,
хоть и робок, но честен мой труд.
Отчего же душа не на месте,

будто еду к живому на суд?

Хозяин

1

Свойский лад астафьевского дома.
Печь-голландка. Шкаф. Половики.
Всё, что бедность берегла от слома.
Жили так и наши старики.

Садик за окном жарой измаян.
Видишь эти блики тут и там?
Кажется, мгновенье – и хозяин
выступит из света к нам, гостям.

Впрямь ли он оставил кров домашний?
Где его душа, в каких мирах?
Зябкому суглинку Манской пашни,
верится, достался только прах.

2

Тихий дол, где с дочерью Ириной
погребли его, всё реже тих.
Тщетно он просил перед кончиной
не топтаться на могилах их.
Не прочтя «Последнего поклона»,
здесь картинно никнут головой
и особо важная персона,
и лакей, неважно чей, но свой.

Чтут его! Хоть это сердце – ими ж
сбито с ритма и теперь мертво,
снова золотят свой блёклый имидж
безотказным именем его.

«Низкие» истины

Модель в портрете ищет сходство,
пока портрет модели льстит.
В ней могут быть черты уродства,
но их смягчать велит нам стыд.

«Красиво» лучше, чем «похоже»:

разгладь рубцы, добавь румян…
«Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман…»

Мы эти пушкинские строки
за откровение сочли,
забыв другие – о пророке,
судье неправедной земли.

И Блок с учителем согласен:
«Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен».
…А если в нём «случаен» ты?

И за твоей баржою волны
смыкает Обь глухой порой?
Но «без меня народ неполный»
твердит платоновский герой.
И пишет в сумрачной Овсянке
солдат, чурающийся лжи,
как шлина смертный бой подранки —
сынишки ссыльных с той баржи.

В могиле братской с палачами
своих отцов и матерей
глядят нездешними очами
на явь, не ставшую добрей…

За все не благостные лица,
за каждый злой и грубый штрих
не след художнику стыдиться —
пусть мир стыдится, видя их.

Красноярск – Овсянка – Москва
Июнь – сентябрь 2004

Каллас

Этим светом прагматичным
от Америки до Рима
леди с профилем античным
как никто боготворима.

Ей толпа рукоплескала
в «Ковен-Гарден» и «Ла Скала» —
первых операх Европы,
зарывающей окопы.

С той поры послевоенной
до немирного сегодня
этот голос во Вселенной —
будто мост над преисподней.

И пускай колеблет стены
площадная истерия,
исцеляет дух смятенный
дива дивная Мария.

15 октября – 6 декабря 2004

II. На языке любви и боли

Северо-восток

Нине

Эта радость безотчётна,
будто вера в чудеса…
Если радуга бесплотна,
что же делит небеса?

Сверху – темень грозовая,
снизу – ясный полукруг.
Что за обруч, остывая,
в небо выкатился вдруг?

Кто кузнец надежды зыбкой
не на счастье – на покой? —
с тихой любящей улыбкой,
с доброй книгой под рукой.

Как намёк на лучший жребий,
за которым вместе шли,
засиял высóко в небе
семицветный нимб земли.

Январь 2005

Этюд в четыре руки

Этот мир, где так мало тепла,
даже с милым не кажется раем.
Но, сливая в объятьях тела,
мы от холода души спасаем.

Что за музыка в доме у нас?
Будто снова мы робки и юны
и, танцуя в предутренний час,
задеваем небесные струны…

Февраль – март 2005

Недосуг

Умер дедушка-чалдон.
И жалел я запоздало,
что узнать успел так мало
из того, что помнил он.

Бабушку Господь прибрал.
Забелел у изголовья
уроженки Поднепровья
мрамор – дар саянских скал.

И опять сердился я
на себя, на мир, на Бога,
что успел узнать немного
из её житья-бытья.

Скучный нрав достался мне.
Но пенять на то не смею
ни Днепру, ни Енисею.
Сам бирюк: не льну к родне.

В каждом городе свечу
в расписных церквах российских
ставлю за здоровье близких,
а приеду – и молчу.

Вот и мамин пробил час.
На её сырой могиле
с нею мы поговорили
задушевно… первый раз.

Так на что мне этот бег?
Торопясь от будней к будням,
я опаздываю к людям,
недосужий человек!

Сентябрь 2005

Портретист

У цыгана-художника больше картин,
чем вместит городская квартира…
Но вмещает! А как, знает он лишь один,
господин рукотворного мира.

Этот мир, не иначе, омыла гроза,
столь он ясный и празднично-пёстрый.
И у всех его жителей схожи глаза,
будто все они братья и сёстры.

Здесь опальный поэт на черкесском коне,
и плясунья – соперница музам,
и гребец на плоту, как жонглёр на бревне,
и маэстро в берете кургузом.

Отчего уроженцы Саян и Карпат
за столичной заставой Таганской
с исключительно разных портретов глядят
с одинаковой страстью цыганской?

Или в каждом из нас он рисует себя
в сокровенной боязни сиротства?
И, сухие мазки с полотна соскребя,
добивается свежими сходства.

Он картины выносит гостям по одной,
на мольберте крепит аккуратно.
А насытится зрение сказкой цветной —
убирает на полки обратно.

Вот стоит на стремянке поверх суеты,
будто римский актёр на котурнах.
И сползают к нему с антресолей холсты,
как пласты наслоений культурных.

14—31 марта 2006

Вопросы

Почему, забыв о сраме,
живописец на рекламе
растлевает свой талант?
Почему звезда балета
дорожит приязнью света
пуще рампы и пуант?

Потому ли, что продажей
натюрмортов и пейзажей
сыт не будешь? Рынок скуп.
И за выходы на сцену
кто ж вам даст такую цену,
как за вход в элитный клуб?

Но заказчику рекламы
любы те же рощи, храмы,
что рисует пейзажист,
и не в хрониках скандальных —
на подмостках театральных
лучше смотрится артист.

Отчего же ни полушки
в акварельные церквушки
не вложил рекламный босс,
а тузы тусовок светских,
одурев от игр эстетских,
на бесстыдства множат спрос?

…Мы от мала до велика
замечаем – то, что дико,
повторяем – злую весть.
Не враги себе… К чему же
мы хотим казаться хуже,
чем на самом деле есть?

1—18 апреля 2006

«Лица поющих прекрасны…»

Лица поющих прекрасны,
если слова хороши,
если созвучья согласны
с тоном души.

В хоре церковном и светском,
в пении взрослом и детском —
в главном отличия нет:
властвует свет.

После муштры репетиций
будто парят в облаках
огненнокрылые птицы:
ноты в руках.

Июнь 2006

«Обещал не всем Спаситель…»

Обещал не всем Спаситель
после смерти благодать:
верных ждёт его обитель.
Что неверующим ждать?
Тоже люди, а не звери:
нешто канут в никуда?
Если каждому по вере
воздаётся – значит, да!

В ад наезжен путь удобный.
В рай протоптан узкий ход.
Кто отринул мир загробный,
даже в ад не попадёт.
Мрак земной иль свет небесный —
заслужу ли что-то я?
Ведь страшнее всякой бездны
пустота небытия…

– *Январь февраль 2005; апрель 2006*

Толкинисты

Их сверстницы уже заводят семьи,
а игры оставляют младшим сёстрам.
Но любо старшим дочкам Средиземье,
с его декором, театрально пёстрым.
Им сдобрено, как пища зельем острым,
обыденное наше мелкотемье.

Сроднив звезду с багряным русским стягом,
хотели деды сказку сделать былью,
но воли не хватило красным магам.
И, выстирав кумач, покрытый пылью,
кроят плащи, похожие на крылья,
их правнуки, не верящие флагам.

Осень 2006

Ягодки

Летний мир – как на ладони.
За полями, за борами…
Помнишь, были молодыми?
Землянику собирали.

День в лесу – веселья на год.
Нам лесные сласти любы.
Только чаще спелых ягод
я твои встречаю губы.

Завлекала земляника,
мягче пуха листья стлала…
В очи дочек загляни-ка
без уныния и страха.

Не жалей о вольном лете:
зелены его поляны,
и не мы – так наши дети
миру летнему желанны.

А когда цветы полягут
и листва сойдёт в ложбины,
кинет горстку терпких ягод
нам в ладони куст рябины…

Ноябрь – декабрь 2007

Пичуги

Одну восточную страну
тревожил щебет птичий,
и против птиц вести войну
в стране вошло в обычай.

Кричать все жители взялись
от мала до велика —
и улетали птицы ввысь
от яростного крика.

Им придавал отваги страх,
но силы их иссякли,
и гибли птицы в небесах…
А мы живём, не так ли?

А мы летим на шум и гам
и о любви щебечем,
хоть наших слов не слышно вам
(да вам и слушать нечем).

И вы – за то, что наш напев
звучит для вас невнятно, —
браните нас, рассвирепев,
и гоните обратно.

Но нам нельзя умчаться прочь:
внизу гнездовья наши,
для них поём мы день и ночь
у края звёздной чаши.

Ведь если в небе замолчит
последняя пичуга —
расколется небесный щит,
сойдут планеты с круга.

25 мая – 9 июня 2007

Город юности Уяр

На слюдфабрике – на «Слюдке» —
тётя, мамина сестра,
здесь трудилась. На попутке
приезжал я к ней с утра:

из деревни – автостопом.
И с лотка у проходной
воду с клюквенным сиропом
покупал и в дождь, и в зной.

Мне казалось, что едва ли
может быть вода вкусней
и что Клюквенной прозвали
эту станцию – по ней.

(Лишь недавно был нагуглен
в продолженье двух минут
инженер-путеец Клюквин:
он провёл чугунку тут…)

Эта станция! Отсюда
начался мой дальний путь.
И возврата нет: лишь чудо
может время вспять вернуть.

Это чудо – память сердца.
Из потёмок забытья
в светлый мир открыта дверца —
к вам, родные, к вам, друзья.

На стальных путях Транссиба,
в центре всех моих дорог,
город юности, спасибо,
что со мною не был строг,

что районная газета
с верным именем «Вперёд»
к виршам сельского поэта
приохотила народ…

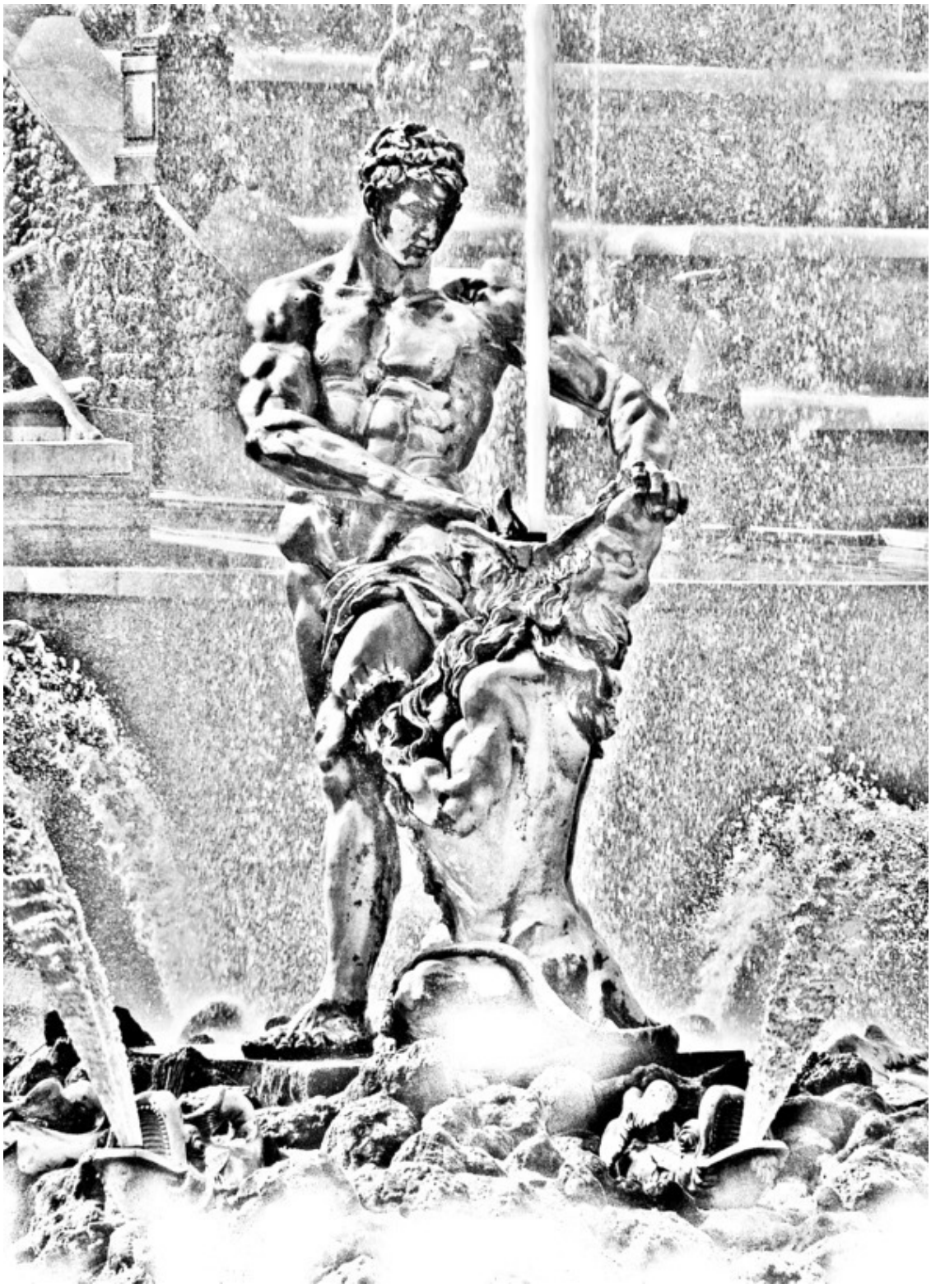
Июль 2004; июль 2008

«Когда небесный конвоир…»

Когда небесный конвоир
придёт за мною в грешный мир
и возвестит, одернув китель:
«Пора. На выход, сочинитель!»,
хотел бы я сказать в ответ
тому, кто служит в райском войске,
что, хоть и портил много лет
я домочадцам кровь по-свойски
и крал при помощи чернил
досуг читателя-страдальца,
я ничего не сочинил,
то бишь не высосал из пальца;
лишь пересказывал навзрыд,
косноязычный поневоле,
что глухо сердце говорит
на языке любви и боли.

11—17 апреля 2007

III. Озарилась душа…

«В этом парке лет на двести…»

В этом парке лет на двести
(а быть может, навсегда)
время замерло на месте,
в небеса течёт вода!

Под струей фонтана вымок —
так на солнышке постой.
И на память сделай снимок
с «императорской четой».

Ходят ряженые в шёлке,
тешат публику в джинсе.
Приобщайся по дешёвке,
попозируй, будь как все!

Апрель 2008

На торгу

Наипростейшей из безделиц
они вовек не смастерят,
но то, что сделает умелец,
продать сумеют. Всё подряд.

Игрушки, шмотки, иномарки.
Народу – пряник, власти – кнут.
Они и мёртвому припарки
с большою выгодой толкнут.

Их ум особенного сорта:
у них на мысленных весах
Звезда Героя, звёзды спорта
и просто звёзды в небесах!

Я сочинять умею книжки,
а продавать их не могу.
Но не завидую барыжке,
что так удачлив на торгу.

Набив кредитками бумажник,
к словам утратил он чутьё
и диким именем «продажник»
зовёт занятие своё.

8—11 апреля 2008

Имплантация

Не храбрый Тиль, не гордый Прометей,
не датский принц, не русский авиатор —
в героях нынче маг, и лиходей,
и чудища, с которыми детей
с младенчества знакомит аниматор.

Мы учим их, что нет любви конца,
что мудрых надо чтить, а слабых нежить.
Но волею киношного дельца
вживляется в открытые сердца
бездушная рисованная нежить.

– Ребятушки, неужто любы вам
сварливый тон, дикарские замашки,
звериный навык бить по головам? —
Кивают молча в такт моим словам
облёкшиеся в плоть и кровь мультяшки…

12—15 апреля 2008

Зимняя рыбалка

– Из-за шашней Змея с Евою
нас лишили рая всех…
– Но Марией Приснодевою
был искуплен Евин грех.
– Непорочность Божьей матери
для плутовок не указ:
хоть и спит вулкан, а в кратере
жар подземный не угас.
– В тихом омуте заводится
кое-кто ядрёней жаб.
Далеко не Богородица
даже лучшая из баб!
– Так и вы отнюдь не голуби,
согласитесь, мужики, —
сказал из проруби. *кое-кто*
Протрезвели рыбаки.

Июль 2000; апрель 2008

Послание

«О людях по богатству
судить вы не должны.
Какому быть тут братству,
где люди не равны,
где знатному пороки
прощают наперёд?»

Кто пишет эти строки?
Куда посланье шлёт?

Бумага и пергамент
правдивее легенд…
Не Томас Мор – в парламент,
не Робеспьер – в Конвент,
не Пушкин – в рудоносный
острожный край Сибирь.

Иван IV Грозный —
в Кириллов монастырь.

12—31 декабря 2008

Чалдонская тетрадь
Поэма на одном дыхании

…уходя в иные дали,
завещал свои медали,
всё добро фронтовика,
чья Победа – на века,
но для чьих стараний ратных
в прейскурантах аппаратных
не нашли цены вожди
с триколором на груди, —
им челом не бил: присягу
дал чалдон иному стягу,
хоть и был его кумач,
как лесной пожар, горяч,
хоть пришлось крестьянским детям
жить не так под флагом этим,
как трубил на целый свет
первый ленинский декрет,
но герой моей поэмы
не касался этой темы
ни в беседе, ни в письме
(даже в пору «перестройки»),
лишь всегда держал в уме,
до чего чалдоны стойки:
род, прореженный на треть,
всё же смог не захиреть
(кто своих не помнит близких —
поищи в расстрельных списках,
только выжившей родни
за молчанье не брани),
и герою было ясно,
что из дома не напрасно
свёз отец семью – и стал
домом ей лесоповал,
обрубив работой адской
связь её с роднёй «кулацкой»;
а покуда рос герой,
рос и креп колхозный строй,
и хорошие отметки
в аттестате семилетки
да еще терпенье (в мать)
помогли мальчишке стать
педагогом сельской школы,
выпуск вышел невесёлый —
началась война в тот год,
а потом пришёл черёд

и ему примерить китель:
стал механиком учитель
и обрёл свой новый дом —
фронтовой аэродром;
на тяжёлых, но покорных
бомбовозах двухмоторных,
сокрушив тылы врага,
долетел их полк до Польши
(показавшейся не больше,
чем чулымская тайга),
и весною на Рейхстаге
зацвели, зардели стяги
победившей смерть земли,
и, учебники подклеив,
ждали школы грамотеев,
чтоб сирот учить могли;
и ждала его невеста,
и нашла у тёщи место
новобрачная семья,
он учил детей в артели,
а потом свои поспели:
как и чаял, сыновья,
и они служили тоже,
оба с ним усердьем схожи,
долг армейский был тяжёл:
старший так и не пришёл,
та беда их надломила,
и жену взяла могила
раньше мужа, младший сын
звал его к себе, но тщетно:
старый воин сдал заметно,
да не сдался – жил один;
с той поры, как дом фамильный,
вековой крестовый дом
брошен был семьёй, бессильной
избежать гонений в нём,
с той зимы, когда подростком,
увезённый в леспромхоз,
обвыкался в мире жёстком,
полном тягот и угроз, —
где он только не жил: в хатке,
крытой чуть ли не ботвой,
и в брезентовой палатке,
и в землянке фронтовой,
и в избе послевоенной,
маломерке пятистенной,
что сдавал совхоз ему,
а вот собственной усадьбы
заводить не стал (понять бы

вам, читатель, почему),
и не дом, а домовина
да суглинка два аршина
рядом с верною женой —
весь его надел земной;
от судьбы единоличной
к цели общей, утопичной,
но благой, держал он путь
и с него не мог свернуть —
так, до неба возвышая
над деляной за окном,
пролетела жизнь большая
на дыхании одном,
человек с лицом эпохи —
уходя за нею вслед,
он сберёг до малой крохи
всё, что помнил с детских лет,
и в конце доверил сыну,
кроме бронзовых наград,
золотую сердцевину
обретений и утрат —
о своей любви и боли
постарался рассказать,
плод его последней воли —
аккуратная тетрадь,
под её обложкой плотной
сто историй, сто имён,
но особенно охотно
вспоминал тайгу чалдон:
край урочищ диковатых,
мир, где не был он чужим;
там играл на перекатах
пёстрой галькою Чулым,
в омутах жирели щуки,
долгожители реки,
на угоре у излуки
рыли норы барсуки,
лось выпрастывал из чащи
сучковатые рога
и дразнился пень, торчащий
водяным из бочага,
а в Чулым текли, вертлявы,
Агата́ и Аммала́,
Бо́рсук-левый, Бо́рсук-правый —
в тех местах родня жила;
с быстрых рек тайги-дикарки
увела судьба потом
к речке медленной – Уярке,
с тихой рощей за прудом,

у болотистого дола
оседлало холм село,
наверху стояла школа,
в ней полжизни протекло,
но помимо школьных правил
помнил он лесной урок —
и силки на зайца ставил,
и готовил сено впрок:
отбивал он косу ловко —
и послушная литовка
на лугу, что мёдом пах,
пела птицею в руках,
он плетёную корчажку
снаряжал на карасей
и варил на праздник бражку
для соседей и гостей;
он любил заботы эти,
он зимой мечтал о лете,
он устал от школьных пут,
но к нему тянулись дети:
завтра осень, значит ждут,
и опять в костюме строгом
он входил к ребятам в класс,
был он сельским педагогом —
на земле, забытой Богом,
был он совестью для нас;
командир небесной рати,
позаботься о солдате:
жил он честно до конца;
Отче наш, прими отца…

Красноярск – Раменское
Июнь – июль 2009

Метро

Зелёная, как ранний плод, планета
куда летит, опору потеряв?
Покров, которым плоть её одета,
туннелями пронизан – сплошь дыряв.

Скатясь по ленте движущихся сходней,
куда по червоточинам Земли,
на сотню метров ближе к преисподней,
лечу, как пуля по команде «пли»?

14 февраля 2010; 20 апреля 2013

Вкус

Не доблестями князя-самовластца,
но храмами на Клязьме и Нерли
прославлен и забвенью не предастся
Андрей, держатель Суздальской земли.

И царь Иван, переписавший дерзко
ордынское наследство на Москву,
отмечен в ней не бронзою имперской —
цветным собором Покрова на рву.

Архитектура – зеркало эпохи,
а зеркала шлифуют мастера.
Петровские реформы были плохи,
но чуден величавый град Петра.

Мы в отчимы зачли «отца народов»,
но в сталинских высотках – дух страны,
которую с лоскутных огородов
в открытый космос вывели сыны.

У тех, кто строил Русскую державу,
Российскую империю, Союз,
в придачу к необузданному нраву
был недурной художественный вкус.

Осень 2006; лето 2010

Дар

Рисует распутные нравы
с таким сладострастьем печать,
что публика — срама от славы
не стала уже отличать.

О тех, кто с оглядкой на совесть
и в счастье живёт, и в беде,
скучна обывателю повесть:
читатель забыл о стыде.

В историях, полных соблазна,
он ищет кумиров своих,
не ведая, сколь безобразна
природа создателей их.

Смакуют сюжеты о блуде
и чествуют скотскую прыть
ущербные, жалкие люди,
лишённые дара любить.

2—18 ноября 2011

La passion

Если очи у пассии карие —
постарались пассионарии:
коневоды и копьеметатели
синеглазых селянок брюхатили.

Волоокие, смуглые, страстные,
позабыть златовласок не властные,
в деревнях оседали кочевники —
пастухи, кузнецы и кожевники.

А дотоле, послушные Одину,
шли варяги на новую родину,
шли хазары, и гунны, и арии —
евразийские пассионарии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.